

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ: ЦВЕТУЩАЯ СЛОЖНОСТЬ. К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФА

УДК 821.161.1

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-1/31-35>

О.Л. Фетисенко*

«ЦВЕТУЩАЯ СЛОЖНОСТЬ» И «ПУСТЬ РАСЦВЕТАЮТ СТО ЦВЕТОВ»: ЕСТЬ ЛИ РАЗНИЦА?

В первой части этого небольшого эссе в сжатом виде, с опорой на фрагменты статей К.Н. Леонтьева, которые главным образом относятся к его позднему творчеству, сравнительно редко привлекающему внимание исследователей, характеризуется суть взгляда мыслителя на проблему культурного своеобразия, в котором он видел залог самого бытия наций и государств. Во второй части автор отвечает на вопрос, вынесенный в заглавие статьи, показывая глубину расхождений мировоззрения Леонтьева и современной массовой культуры, избравшей для себя одним из девизов китайский лозунг о «ста цветах» и при этом значительно трансформировавшей его смысл.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, культурное своеобразие, «цветущая сложность»

«The blossoming complexity» and «Let a hundred flowers bloom»: is there a difference? OLGA L. FETISENKO (Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences)

Despite his wide posthumous fame, Leontiev remains one of the most unread Russian philosophers. His figurative terms that have entered into the cultural use are sometimes used far from the meaning that the author attributed to them, and require a special commentary. One of such terms is «blossoming complexity». The author of the article suggests reflecting on the question of how Leontiev's approach to cultural identity differs from what is understood by this in the modern world. Leontiev's world is structured hierarchically, has a strict form, while the modern culture is «amorphous». Leontiev introduces the principles of Christian asceticism into any issue he considers, whereas the modern culture is anti-ascetic. The range of issues that occupied the «lonely thinker» remains relevant and requires deep reflection.

Keywords: K.N. Leontiev, cultural uniqueness, «blossoming complexity»

* ФЕТИСЕНКО Ольга Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН.

E-mail: betsy98@mail.ru

© Фетисенко О.Л., 2022

Л.Н. Толстой, говорил, что К. Н. Леонтьев «стоял головой выше всех русских философов» [7, с. 352], что он в своих статьях «все точно стекла выбивает»¹, но это автору «Войны и мира» очень нравится. Все это высказано, напомним, при огромных идейных и, главное, религиозных расхождениях двух писателей², и тем дороже подобное признание.

Леонтьев в своих трудах учит нас «читать живую книгу современной истории» [4, с. 446], постигать тонкие «психические» взаимовлияния³, приобретаемые обществами «душевные навыки»⁴. Леонтьевские пророчества, «диагнозы» и «рецепты» ценны тем, что даны, по его выражению, «без всяких лжегуманных жеманств» [4, с. 455].

Заветная цель Леонтьева, по выражению его ученика и биографа о. Иосифа Фуделя, «направить всю жизнь на путь большей красоты и выразительности», проложить новые «пути жизни» (цит. по: [10, с. 24]).

Своими наибольшими заслугами Леонтьев считал начатую на Афоне книгу «Византизм и славянство», где предложено «почти математическое средство для определения возраста и падения Государств» [2, с. 10], статьи, предупреждающие об опасностях панславизма и подводных рифах «национальной политики», а также «опыт национальной психологии» — статью «Русские, греки и юго-славяне». В его автохарактеристиках (из составленных им от третьего лица записок о своем творчестве) выделены такие свойства, как «дальновидность определений», «ясно изложенные взгляды на нашу текущую политику», «совершенно новый и смелый взгляд на историю Государств и обществ», «религиозное чувство», которое «просвечивает везде» [2, с. 11, 24, 26].

Знакомясь с Леонтьевым, не следует ограничиваться «Византизмом и славянством», откуда и взят термин, давший название прошедшему 26 ноября 2021 г. во Владивостоке круглому столу. У этого мыслителя важны все, даже са-

мые маленькие заметки, не говоря уже о таких циклах, как «Письма о Восточных делах», «Записки отшельника», о брошюре «Наши новые христиане» и других работах. Для более глубокого понимания проповедуемой им «эстетики жизни» небесполезно познакомиться и с его беллетристикой. Протоиерей И.И. Фудель писал об этом так: «Для того чтобы уяснить себе точку зрения этого “художника мысли” и увидеть в его писаниях не одно только собрание парадоксов, а глубокое и цельное мировоззрение, необходимо, *изучив* все написанное К. Леонтьевым, перевести на логический язык его художественную мозаику и сложить в своем уме все это в некоторую систему» [9, с. 362–363].

Леонтьев выдвинул идею необходимости построения новой культуры и указывал, «*где должно искать для нее начал*» [1, с. 278] — формулировка А.А. Александрова, одного из близких учеников К.Н. Леонтьева. Александров продолжал: «Он требует от России, главной представительницы православного Востока, создания *новой культуры*, имеющей прийти на смену отживающей романо-германской, и верит, что она ее создаст. <...> <Начала византизма>, значительно уже усвоенные нами, остается только развить и довести до пышного своеобразного цвета» [1, с. 278].

Политическое направление Леонтьева, по его собственному определению, было «прогрессивно-охранительным». Его проекты предполагали ряд смелых социально-экономических реформ (вплоть до «социалистической монархии»), а идея «эстетики жизни», которая должна господствовать над вторичной «эстетикой отражений», выделяла его из общего ряда охранителей, делая скорее предшественником эпохи модерна. От большинства представителей консервативного лагеря его отличало и понимание приоритета церковного над государственным и национальным.

Своей жизненной задачей Леонтьев считал проповедь «новой восточной культуры», своеобразной и антитетичной (от слова «антитеза») по отношению к современной западной культуре. Прямых своих предшественников Леонтьев видел в старших славянофилах и Н.Я. Данилевском (с последним он, впрочем, шел параллельно и книгу «Россия и Европа» прочитал в 1869 г. уже как подтверждение собственных догадок). Кроме того, он испытал сильное влияние А.И. Герцена и Д.С. Милля (в части его учения о разнообразии и развитии).

¹ О смысле этого фразеологизма в его применении к Леонтьеву см.: [10, с. 34].

² О «диалоге наследий» Толстого и Леонтьева см.: [8].

³ «В обществе все живет в глубокой связи и движется во взаимном, нередко весьма тонком, мимолетном и сразу едва заметном, но глубоком психическом влиянии» [4, с. 438].

⁴ О Леонтьеве как предшественнике современной социологии см.: [10].

Идеал Леонтьева: культурное своеобразие, умственная независимость⁵, новое представление об историческом назначении России, «разнообразие и сложность (*не орудий* всесмешения, а самого *социального материала*)» [4, с. 629].

Взгляды Леонтьева на проблему «своеобразия» сложились к концу 1860-х гг. и обогатились знакомством с византийской культурой Афона и бытом христианского и мусульманского Востока. К началу 1880-х гг. философские и культурологические представления Леонтьева оформились в стройное учение, получившее название «гептастилизм» (см.: [10]); название это тогда, впрочем, было известно лишь немногочисленным ученикам, в произведениях для печати философ его не использовал.

Как уже было сказано, одна из констант леонтьевской публицистики – проповедь необходимости большего бытового своеобразия и преобладания «эстетики жизни» над «эстетикой отражений». В наше время «цветущую сложность» былой «эстетики жизни» можно увидеть разве что в музеях (этих «кладбищах культуры») и на фольклорных фестивалях. Это видимость культурного цветения, никак не связанного с действительной жизнью.

Леонтьев испытывал большой интерес ко всему «внешнему» (начиная с облика человека). Он понимал, «что в *самых внешних* формах быта выражается *дух народа и времени*» [4, с. 219], что привычки, вкусы, моды – «все это вовсе не *внешность* одна, а неизбежное выражение глубочайших внутренних потребностей» [4, с. 16], а «*изменение внешних форм быта есть самый верный и могучий признак глубокого изменения в духе*» [3, с. 130]. «Поверьте, это не пустяки, – восклицал он, – эта внешность; это очень важно! Эта внешность – есть выражение еще неясно понятого какого-нибудь внутреннего психического закона. <...> Не будет нового внешнего *стиля в жизни*, – значит, не будет уже никогда и *нового духа*...» [4, с. 632].

Напомню леонтьевское определение культуры из «Писем о Восточных делах»: «...Под

словом *культура* я понимаю вовсе не *какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость* и т.п., а лишь цивилизацию *свою по источнику*, мировую по преемственности и влиянию. Под словом *мировая культура* я разумею: *целую свою собственную систему отвлеченных идей религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических*...» [4, с. 50].

В сжатом виде его учение сводится к идеям «*теократии, сословности, монархизма, аристократизма и порабощения*» [4, с. 410]. Если же его редуцировать до триады по образцу уваровской «Православие – самодержавие – народность», то программа Леонтьева будет выглядеть так: «незыблемость Самодержавия; укрепление Церкви <...>, утверждение и развитие *общины*» [4, с. 105], или же (в перечислении отличающих одну нацию от другой «*культурных признаков*»): «религиозные отличия <...>, *резкие* отличия в государственных учреждениях и, наконец, если возможно, то и внешне-бытовые отличия» [5, с. 29]⁶.

Леонтьев задается вопросом: «Спасемся ли мы государственно и культурно?» Или мы призваны «*окончить историю – погубив человечество*»? [4, с. 201]. Проповедь культурного своеобразия (в последние годы Леонтьев использовал для них в своем «домашнем обиходе» еще один грецизм: «идиотропизм»⁷) тесно увязывается в последние годы его жизни с эсхатологической проблематикой. Ученик Леонтьева передавал его мысль так: «Или мы будем культурно оригинальны (хоть на 200 лет) или нет. В последнем случае <...> даже само христианство погибнет. <...> А если мы бу-

⁶ Ср.: «Православие и его усиление; Самодержавие и его незыблемость; быть может (если удастся), *сообразный с настоятельными потребностями жизни* <...> *сословный строй; сохранение неотчуждаемости крестьянских земель* (и, если возможно, то и *закрепление дворянских*); *сохранение в быте нашем, по мере сил и возможности, как можно больше русского*; а если посчастливится, то и создание новых форм быта; *независимость* в области мышления и художественного творчества» [5, с. 77].

⁷ Ср. в письме к о. И. Фуделю от 19 января – 1 февраля 1891 г.: «Что касается до названия *идиотропизм, идиотропист*, то я сам придумал его для обозначения тех (немногих еще) людей, которые понимают, что *своеобразие* <...> России и Сла<вянст>ва вовсе с Панславизмом (*Со-единизмом*) не солидарно; а скорее напротив. – (Греч<еское> *ιδιο-τρόπος* – *своеобразный*)» [6, с. 50].

⁵ Политической независимости мало, полагал он, нужна культурная (культурно-бытовая [4, с. 52]) и умственная (ср.: [4, с. 97]). «Духовная независимость» (ее противоположность: «умственное рабство») становится у Леонтьева синонимом «идеального блага» нации [4, с. 97]. Только своеобразие «по мысли, по духу, по формам» [4, с. 54], подчеркивал Леонтьев, позволит начать новый период истории (ср.: [3, с. 46]).

дем культурны, то отдадим эту развязку еще на несколько столетий» (цит. по: [10, с. 90]).

Современному человеку, вероятно, трудно отличить леонтьевскую «цветущую сложность» от мультикультурализма или от далеко ушедшей от своего первоначального смысла идеи расцветания «ста цветов». С историческим китайским «прототипом» маоистского лозунга, относящимся к эпохе Цинь Шихуана, какое-то сходство у леонтьевской формулы есть лишь в том, что, когда во II в. до н.э. придумали постулат «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», подразумевалось, что все это должно происходить в *едином* сильном государстве (ср. с излюбленной формулой Леонтьева «разнообразие в единстве»; «Разнообразие в возрастающем единстве власти» [4, с. 455]). Но кончилось тогда в Китае это «расцветание» уничтожением «лишних» книг (правда, Леонтьев, как известно, и султана Омара не осуждал – того самого, кто считал, что хватит с человечества одного Корана⁸).

А вот с современным (расхожим, «бытовым») пониманием пышного цветения «ста цветов» расхождения у Леонтьева громадные. Ведь «сто цветов» стали в наше время прежде всего лозунгом толерантности без границ и редуцировались до радуги ЛГБТ-движения.

Леонтьевым предлагается иерархически выстроенная, жестко – даже деспотически – организованная и скрепленная структура (однако с внутренней свободой и подвижностью – например, с возможностью по заслугам переходить в высшее сословие). Современная культура – по Леонтьеву, «всепринижающий прогресс» (ср.: [4, с. 444]) – прежде всего *аморфна*, правда за этой аморфностью и размытостью «безыдейности» все отчетливее теперь просматривается управляющая рука (хаос – «управляемый»).

Леонтьев проповедует самоограничение и аскетизм (в том числе и в эстетике): «А что такое это аскетическое учение, как не учение *воздержания* вообще и *регулирование* наших чувств и действий во Имя Господне?» [4, с. 438]. Мейнстрим современной культуры строится на слогане «бери от жизни все» и его «философском обосновании»: «ведь ты этого достоин/достойна». Леонтьев много писал о росте «претензий» в современном человечестве: «...Претензии велики, убеждения шатки, правила неясны» [4, с. 440]. Он предсказал и отчаяние современного человека (испытавшего крушение своих «пре-

тензий»), против которого не помогут ни «внушения практического рассудка», ни «советы житейского благоразумия» и «*чистая этика*» [4, с. 440]. Спасение он видел лишь в догматически-церковном христианстве, добавляя важные слова афонского старца: «Одной мягкостью нравов Христианства заменить нельзя» [4, с. 419].

Кроме того, Леонтьев показал, что кажущаяся самобытность, перерождаясь, приводит к упадку самобытности действительной. Этот процесс он многократно анализировал на примере национальных движений: девятнадцатый век – век национально-освободительных движений, построения национальных государств и одновременно возникновения империй. И оказывается, по Леонтьеву, что видимый процесс разделения, роста «самобытности» оборачивается тем, что все страны и народы становятся похожи друг на друга в культурном отношении («всеобщая ассимиляция», «вторичное смесительное упрощение»).

Еще одна закономерность, рассматриваемая Леонтьевым в разных плоскостях (от семейной жизни до судеб цивилизаций и конфессий): «Охлаждение к идеалу высшему, отвращение к его крайностям влечет за собою очень скоро глубокий упадок и того среднего состояния, которое сначала большинству казалось достаточным» [4, с. 437].

В качестве примера Леонтьев приводит судьбу протестантизма. При своем возникновении оно казалось чище и святее католицизма, но, не имея тех «центров накопления религиозных сил», от которых могло бы исходить «подновляющее действие», усреднилось и разлагается быстрее католицизма, у которого еще есть возможность возрождения [4, с. 438].

Круг вопросов, занимавших «одинокую мыслителя» и «литературного изгнанника», не только остается актуальным через 130 лет после его кончины, но приобретает все большую заостренность и требует глубокого осмысления. Точность его политического прогнозирования, дерзновение его философской мысли делают писателя актуальным собеседником думающих людей самых разных национальностей, специальностей, вкусов и пристрастий. В эпоху глобальных вызовов в текстах Леонтьева вдумчивые читатели проходят школу философской диагностики, позволяющей понимать смысл и возможный сценарий развития происходящих в мире событий, обретают ценностные критерии, получают «прививку» от шаблонности мышления и, подобно С.Н. Дурь-

⁸ См.: [4, с. 206, 378].

лину, испытывают «около Леонтьева» «восторг <...> суровой ясности»⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. К.Н. Леонтьев (по поводу статьи о нем в «la Nouvelle Revue») // Русский вестник. 1892. № 4. С. 275–284.

2. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 6. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2004.

3. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006.

4. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007.

5. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 8. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2009.

6. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 12. Кн. 3. СПб.: Владимир Даль, 2021.

7. Маковецкий Д.П. У Толстого (1904–1910). Яснополяские записки. Книга первая (1904–1905). М.: Наука, 1979.

8. Посадская О.А. Творческий диалог Л.Н. Толстого и К.Н. Леонтьева: Проблема общности и своеобразия: дис. ... канд. филол. н. Краснодар, 2007.

9. «Преемство от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012.

10. Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2012.

REFERENCES

1. Aleksandrov, A., 1892. K.N. Leontiev (po povodu stat'i o nem v «la Nouvelle Revue») [K.N. Leontiev (in relation to the article about him in «la Nouvelle Revue»)], Russkii vestnik, no. 4, pp. 275–284. (in Russ.)

2. Leontiev, K.N., 2004. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 6. Kn. 2 [Complete works: in 12 volumes. Vol. 6. Book 2]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)

3. Leontiev, K.N., 2006. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 7. Kn. 2 [Complete works: in 12 volumes. Vol. 7. Book 2]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)

4. Leontiev, K.N., 2007. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 8. Kn. 1 [Complete works: in 12 volumes. Vol. 8. Book 1]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)

5. Leontiev, K.N., 2009. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 8. Kn. 2 [Complete works: in 12 volumes. Vol. 8. Book 2]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)

6. Leontiev, K.N., 2021. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 12. Kn. 3 [Complete works: in 12 volumes. Vol. 12. Book 3]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)

7. Makovetskii, D.P., 1979. U Tolstogo (1904–1910). Yasnopolyanskii zapiski. Kniga pervaya (1904–1905) [At Tolstoy's (1904–1910). Yasnaya Polyana notes. Book 1 (1904–1905)]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

8. Posadskaya, O.A., 2007. Tvorcheskii dialog L.N. Tolstogo i K.N. Leontieva: Problema obshchnosti i svoebraziya [Creative dialogue of Leo Tolstoy and Konstantin Leontiev: the common and the unique], dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk. Krasnodar. (in Russ.)

9. «Preemstvo ot ottsov»: Konstantin Leontiev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya [«Succession from the fathers»: Konstantin Leontiev and Iosif Fudel': Correspondence. Articles. Memories]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2012. (in Russ.)

10. Fetisenko, O.L., 2012. «Geptastilisty»: Konstantin Leontiev, ego sobesedniki i ucheniki: (idei russkogo konservatizma v literaturnokhudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroi poloviny XIX – pervoi chetverti XX veka) [«Heptastylists»: Konstantin Leontiev, his interlocutors and disciples: (the ideas of Russian conservatism in the literary and journalistic practices of the late 19th – early 20th century)]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom». (in Russ.)

⁹ Выражение из письма С.Н. Дурылина к прот. И.И. Фуделю 1915 г. [9, с. 428].